

Снежок под ногами как хрустит! Хрум-хрум, хрум-хрум. Так бывает, когда лошади траву щиплют. Или нет, больше похоже на то, когда капусту режут. Погодка хороша! Каникулы! Солнышко. Никуда спешить не надо... А дело к обеду. Может, к бате в гараж зайти?.. Давно не был. Обижается, поди. А что, вот возьму и зайду, наверняка он там...

Я на улице, знакомой мне с детства. Вот и родная пятиэтажка, а вот и беседка, в ней я первый раз признавался в любви, тогда май был, эх!..

Гараж открыт. Я немного волнуюсь. А ведь действительно давно не был ни в гараже, ни в родительском доме и не звонил...

— Привет, па!

Батя склонился над открытым капотом старенького “Запорожца”.

— А ты откуда? — он с трудом выпрямился и повернулся ко мне. — Радикулитик пошаливает. Давненько ты не был. Что, трудно хотя бы позвонить! Мать волнуется. Не заходишь, не звонишь... — Вытер тряпкой руки. — Совсем совесть потерял! Ну, здравствуй! — протянул, улыбаясь, руку. — По делу?

— Мимо проходил, дай, думаю, зайду. Я ж на каникулах.

— А так у тебя что, времени нет? Сильно занятой?

— Да, всё как-то не с руки, — замялся я. — А звонить... То некогда, то поздно... Сам знаешь, как оно бывает.

— Есть хочешь? Мне тут мать тормозок сочинила.

Он всё такой же. Усы, на голове — “пирожок”, засаленная фуфайка нараспашку, пальцы жёлтые от курева, только морщин, кажется, прибавилось...

— А что, и не откажусь. Так может, и мы сочиним что-нибудь. У меня копейки имеются.

— Каникулы, говоришь, — батя прищурился, достал из кармана деньги. — На. Что не хватит, добавишь. Я аккумулятор на зарядку поставлю. Пока болел, он едва совсем не разрядился.

— А что было?

— Да радикулит проклятый.

— А что ж ты в гараж во холоду пришёл?

— Дома сидеть надоело, да и за машиной смотреть надо. В прошлом году один аккумулятор угробил... И картошки домой набрать надо. Ладно, давай, дуй...

Когда я вернулся, батя о чём-то серьёзно разговаривал с соседом по гаражу. Они стояли возле “Жигулёнка”. Ворота соседского гаража были открыты.

— Привет, дядь Борь! — поздоровался я.

— Привет, дядь Миш! — нарочито поклонился Борис.

Уж и не помню, с каких пор завелось это у нас в гаражах: дядь Борь, дядь Толь, все друг к другу обращались так, а не по имени-отчеству или просто по имени.

Борис тоже был в фуфайке, в ватных штанах. Видно, собирался работать.

— Ладно, дядь Борь, подтягивайся, как освободишься, — батя направился в свой гараж. — Пойдём, — позвал он меня.

Аккумулятор стоял на подзарядке, капот закрыт, на нём лежала сумка с картошкой.

— Да что ж ты с радикулитом в подвал лазил, — забурчал я. — Я бы картохи набрал.

— Да ты в чистом, — отмахнулся батя. — Ладно, давай снимем этот культурный слой.

На верстаке лежала пачка газет. Верхняя была со следами закуски. Батя аккуратно свернул её, на чистую газету выложил из пакета пару пирожков, кусок сала, хлеб, несколько варёных картофелин, солёный огурчик, луковицу и взялся за нож. Я поставил на верстак бутылку водки и сполоснул стаканы.

— Давай, сынок, за встречу, — батя протянул мне стакан.

Не успели мы закусить, появился Борис.

— Дядь Толь, у тебя ключик на семнадцать есть?

Батя заулыбался.

— А ты, видать, других размеров не знаешь, прям на семнадцать?..

Борис подошёл к верстаку.

— Да это ж я так, чтоб разговор завязать. А то вчера было...

Налили ещё. Борис с удовольствием выпил, закусил кусочком сала.

— Дядь Миш, а ты там не женился ещё? — хитро глянул он на меня.

— Да нет, дядь Борь, один пока, никто не идёт.

— Да брось ты врать-то, не идёт, больно привередливый. Детишек пора заводить, а то и не заметишь, как состаришься. А знаешь, зачем дети нужны?

Я пожал плечами.

Борис посерьёзней.

— А чтоб было кому похоронить.

Я не знал, как ему возразить. Вряд ли, когда заводят детей, думают об этом. Борис, думал я про себя, а ты не прав... И всё же, вот пройдёт время, кто похоронит меня? Да что меня, при нынешней рождаемости скоро не только хоронить некому будет, а и некого... Может, и прав Борис?.. Да, что-то не заладилось в жизни, и не только в моей...

— Дядь Борь, а может, ты знаешь, для чего внуки? — с ехидцей спросил я.

Борис сладко заулыбался.

— А чтобы радовать деда с бабушкой!.. А ты чего не на работе, сегодня ж рабочий день?

— Каникулы! — развёл я руками.

— Во! — Борис потыкал меня пальцем в грудь. — Самое ценное в твоей работе — июнь, июль и август, ну, и среди года кое-что.

— Дядь Борь, а ты почему не на работе? Ну, батя на пенсии, это понятно, а ты?..

— Комбинат стоит, а нас без содержания в отпуск выперли, — Борис задумался. — Да у меня тут работы полно, вон, вчера одну машину забрали, сегодня уже другая стоит, пока бьются, я без работы не останусь, так, дядь Толь? — Борис поглядел на верстак и многозначительно протянул. — Закуска, как всегда, осталась...

— Так, может, повторим?.. — полез я в карман.

Батя молча закурил, Борис замялся.

— Ты, дядь Миш, если гроши есть, бери бутылочку, я потом отдам, сейчас нету. Утром рэкет приходил, всё выгреб.

— Какой рэкет?! — опешил я.

— Приходит тут один, маленький такой, толстенький. Букву “р” не выговаривает. Приходит и с ходу: “Ну, что, Болька, пошли”. А как тут не пойдёшь?

Я глянул на батю, на Бориса.

— Да вы что?! Дядь Борь, у тебя ж вся прокуратура ремонтируется, и бандюки к тебе ездят, какой рэкет? Па, и тебя, что ли, трясут? — Батя молчал. Я закипятился. — Вот тебе и *лихие девяностые*. Говорят, недавно на центральном рынке до стрельбы дело дошло. Тоже рэкет наехал на торговшей, а те стрелять начали из газовых пистолетов, ОМОН приехал, торговшей всех скрутили и в кутузку, до выяснения.

— У нас что ни время, так лихое, — батя затоптал сигарету. — То лихие двадцатые, то тридцатые, то послевоенные, как говорится, то гром прибьёт, то корова обгадит...

Мне было не по себе.

— Так, может, он и меня оберёт, так я лучше на водку потрачу.

— Не дрейфь, дядь Миш, — успокоил Борис. — Что с вас, учителей, брать, разве что мелу, так и того в школах нету.

У гаража остановилась машина. Я напрягся. Всякие мысли завертелись в голове... Борис вышел и очень скоро вернулся.

— О! Клиент, аванс привёз. На, дядь Миш, с меня причитается, — Борис протянул мне несколько купюр, остальные сунул в бумажник. — Иди, ты самый молодой. — Борис хотел выйти, но тут же заскочил в гараж. — Тю, ёлки-палки, не успел. Идёт! Дядь Миш, на, спрячь деньги!

Сказать по правде, я не на шутку испугался. Борис глядел на меня растерянно, батя сурово молчал. Не зная, что делать, я высунулся из гаража.

К гаражу подходила дочь Бориса, ведя за руку крепыша лет пяти. Карпуз ступил на порог, подбоченился, увидев Бориса.

— Ну, что, Болька, пошли!

Борис счастливо улыбался...